

Л. Троцкий. ИСПАНСКИЙ УРОК - ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

МЕНЬШЕВИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ В ИСПАНИИ

Военные операции в Абиссинии, в Испании, на Дальнем Востоке тщательно изучаются всеми военными штабами, готовящимися к будущей большой войне. Бои испанского пролетариата, эти зарницы будущей международной революции, должны с не меньшим вниманием изучаться революционными штабами: только при этом условии грядущие события не застигнут нас врасплох.

Три концепции боролись - с неравными силами - в так называемом республиканском лагере: меньшевистская, большевистская и анархистская. Что касается буржуазно-республиканских партий, то они ни самостоятельных идей, ни самостоятельного политического значения не имели и держались только на спине реформистов и анархистов. Не будет, далее, никаким преувеличением сказать, что вожди испанского анархо-синдикализма сделали все, чтоб дезавуировать свою доктрину и практически свести ее значение к нулю. Фактически в так называемом республиканском лагере боролись две доктрины: меньшевистская и большевистская.

Согласно взгляду социалистов и сталинцев, т.-е. меньшевиков первого и второго призыва, испанская революция должна была разрешить только свои "демократические" задачи, для чего необходим единый фронт с "демократической" буржуазией. Всякая попытка пролетариата выйти за рамки буржуазной демократии является, с этой точки зрения, не только преждевременной, но и гибельной. К тому же в порядке дня стоит не революция, а борьба против мятежника Франко. Фашизм есть "реакция". Против "реакции" надо объединить все силы "прогресса". О том, что фашизм есть не феодальная, а буржуазная реакция; о том, что против буржуазной реакции можно бороться с успехом только силами и методами пролетарской революции, меньшевизм, сам ветвь буржуазной мысли, не имеет и не хочет иметь понятия.

Большевистская точка зрения, законченно выраженная только молодой секцией Четвертого Интернационала, исходила из теории перманентной революции, именно: даже чисто демократические задачи, как ликвидация полу-феодалного землевладения, не могут быть разрешены без завоевания власти пролетариатом, а это, в свою очередь, ставит в порядок дня социалистическую революцию. К тому же сами испанские рабочие с первых шагов революции ставили практически не только демократические, но и чисто социалистические задачи. Требование не выходить за пределы буржуазной демократии означает на деле не защиту демократической революции, а отказ от нее. Только путем переворота земельных отношений можно было бы превратить крестьян, главную массу населения, в могущественный оплот против фашизма. Но землевладельцы неразрывными узами связаны с торгово-промышленной буржуазией и зависящей от нее буржуазной интеллигенцией. Партия пролетариата оказалась, таким образом, перед необходимостью выбора: с крестьянскими массами или с либеральной буржуазией? Включить в общую коалицию и крестьян и либеральную буржуазию можно было только с одной единственной целью: помочь буржуазии обмануть крестьян и тем изолировать рабочих. Аграрную революцию можно было совершить только против буржуазии, следовательно, только мерами диктатуры пролетариата. Никакого среднего, промежуточного режима не существует.

С точки зрения теории в испанской политике Сталина больше всего поражает полное забвение азбуки ленинизма. С запозданием на несколько десятилетий, - и каких десятилетий! - Коминтерн полностью восстановил в правах доктрину меньшевизма. Более

того: он умудрился придать этой доктрине наиболее "последовательное" и, тем самым, наиболее абсурдное выражение. В царской России, в преддверии 1905 года, формула "чисто-демократической революции" имела за себя, во всяком случае, неизмеримо больше доводов, чем в 1937 году в Испании. Немудрено, если в современной Испании "либеральная рабочая политика" меньшевизма превратилась в реакционную антирабочую политику сталинизма. Вместе с тем доктрина меньшевиков, эта карикатура на марксизм, превратилась в свою собственную карикатуру.

"ТЕОРИЯ" НАРОДНОГО ФРОНТА

Было бы, однако, наивно думать, будто в основе политики Коминтерна в Испании лежит теоретическая "ошибка". Сталинизм руководствуется не теорией марксизма, не какой-либо теорией вообще, а эмпирическими интересами советской бюрократии. В своей среде московские циники смеются над димитровской "философией" Народного фронта. Но в их распоряжении имеются, для обмана масс, многочисленные кадры проповедников этой священной формулы, искренних и плутов, простаков и шарлатанов. Луи Фишер, с его невежеством и самодовольством, с его провинциальным резонерством и органической глухотой к революции, является наиболее отталкивающим представителем этой малопривлекательной братии. "Союз прогрессивных сил"! "Торжество идеи Народного фронта"! "Покушение троцкистов на единство антифашистских рядов"!.. Кто поверит, что Коммунистический Манифест написан 90 лет тому назад?

Теоретики Народного фронта не идут, в сущности, дальше первого правила арифметики, именно сложения: сумма "коммунистов", социалистов, анархистов и либералов больше каждого из слагаемых в отдельности. Такова вся их мудрость. Однако, арифметики в этом деле недостаточно. Нужна, по крайней мере, механика: закон параллелограмма сил оказывается действителен также и в политике. Равнодействующая, как известно, бывает тем короче, чем больше расходятся между собой слагающие силы. Когда политические союзники тянут в противоположные стороны, равнодействующая может оказаться равной нулю. Блок разных политических групп рабочего класса бывает совершенно необходим для разрешения общих практических задач. При известных исторических условиях, такой блок способен увлечь за собою угнетенные мелкобуржуазные массы, интересы которых близки интересам пролетариата. Общая сила подобного блока может оказаться гораздо больше силы каждой из составляющих его частей. Наоборот, политический союз пролетариата с буржуазией, интересы которых в нынешнюю эпоху расходятся по основным вопросам под углом в 180°, способен, по общему правилу, лишь парализовать революционную силу пролетариата.

Гражданская война, в которой сила голого принуждения мало действительна, требует высшей самоотверженности от своих участников. Рабочие и крестьяне способны обеспечить победу лишь в том случае, если ведут борьбу за свое собственное освобождение. Подчинить в этих условиях пролетариат руководству буржуазии значит заранее обеспечить его поражение в гражданской войне.

Эти простые истины меньше всего являются плодом чисто теоретического анализа. Наоборот, они представляют собою несокрушимый вывод всего исторического опыта, начиная, по крайней мере, с 1848 года. Новейшая история буржуазных обществ полна всех видов "Народного фронта", т.-е. самых разнообразных политических комбинаций для обмана трудящихся. Испанский опыт только новое трагическое звено в этой цепи преступлений и измен.

СОЮЗ С ТЕНЬЮ БУРЖУАЗИИ

Политически наиболее поразительным является тот факт, что в испанском Народном фронте не было в сущности и параллелограмма сил: место буржуазии занимала ее тень. Через посредство сталинцев, социалистов и анархистов испанская буржуазия подчинила себе пролетариат, не давая себе даже труда участвовать в Народном фронте: подавляющее большинство эксплуататоров всех политических оттенков открыто перешло в лагерь Франко. Без всякой теории перманентной революции, испанская буржуазия с самого начала поняла, что революционное движение масс, каков бы ни был его исходный пункт, направлено против частной собственности на землю и средств производства, и что справиться с этим движением мерами демократии совершенно невозможно. В республиканском лагере оставались, поэтому, лишь ничтожные осколки имущих классов, г.г. Асанья, Компанис и им подобные - политические адвокаты буржуазии, но не сама буржуазия. Поставив полностью свою ставку на военную диктатуру, имущие классы сумели в то же время использовать этих своих вчерашних политических представителей для того, чтоб парализовать, разлагать, а затем и душить социалистическое движение масс на "республиканской" территории.

Ни в малейшей степени не представляя собою испанскую буржуазию, левые республиканцы еще меньше представляли рабочих и крестьян. Они не представляли никого, кроме себя самих. Однако, благодаря своим союзникам: социалистам, сталинцам и анархистам, эти политические призраксы сыграли в революции решающую роль. Каким образом? Очень просто: в качестве воплощения принципа "демократической революции", т.-е. неприкосновенности частной собственности.

СТАЛИНЦЫ В НАРОДНОМ ФРОНТЕ

Причины возникновения испанского Народного фронта и его внутренняя механика совершенно ясны. Задача отставных вождей левого крыла буржуазии состояла в том, чтобы приостановить революцию масс и тем вернуть себе утерянное доверие эксплуататоров: "зачем вам Франко, если мы, республиканцы, можем сделать тоже самое?". Интересы Асаньи и Компаниса вполне совпадали в этом центральном пункте с интересами Сталина, которому нужно было завоевать доверие французской и британской буржуазии, доказав ей на деле свою способность отстоять "порядок" от "анархии". Асанья и Компанис нужны были Сталину, как прикрытие перед рабочими: сам он, Сталин, конечно, за социализм, но нельзя отталкивать республиканскую буржуазию! Асанье и Компанису Сталин был необходим, как опытный палач с авторитетом революционера: без этого они, ничтожная кучка, никогда не смогли и не посмели бы атаковать рабочих.

Традиционные реформисты Второго Интернационала, давно уже выбитые из колеи ходом классовой борьбы, почувствовали новый прилив уверенности, благодаря поддержке Москвы. Впрочем, эта поддержка оказана была не всем реформистам, а лишь наиболее реакционным. Кабаллеро представлял то лицо социалистической партии, которое было повернуто к рабочей аристократии. Негрин и Прието всегда глядели в сторону буржуазии. Негрин победил Кабаллеро при помощи Москвы. Левые социалисты и анархисты, пленники Народного фронта, стремились, правда, спасти, от демократии, что можно. Но так как они не смели мобилизовать массы против жандармов Народного фронта, то их усилия сводились, в конце концов, к жалобным причитаниям. Сталинцы оказались, таким образом, в союзе с наиболее правым, откровенно буржуазным крылом социалистической партии. Свои репрессии они направили влево, против ПОУМа, анархистов и "левых" социалистов, т.-е. против центристских группировок, которые хоть в отдаленной степени отражали давление революционных масс.

Этот политический факт, многозначительный сам по себе, дает в то же время меру вырождения Коминтерна за последние годы. Мы определили, в свое время, сталинизм, как бюрократический центризм, и события дали ряд доказательств правильности этого

определения. Но сейчас оно явно устарело. Интересы бонапартистской бюрократии уже не мирятся с центристской половинчатостью. Ища примирения с буржуазией, сталинская клика способна вступать в союз лишь с наиболее консервативными группировками международной рабочей аристократии. Этим окончательно определился контрреволюционный характер сталинизма на международной арене.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА СТАЛИНИЗМА

Мы подходим здесь вплотную к разрешению загадки, как и почему, ничтожная по численности и уровню руководства, "коммунистическая" партия Испании оказалась способна сосредоточить в своих руках все рычаги власти, несмотря на наличие несравненно более могущественных организаций социалистов и анархистов. Обычное объяснение, гласящее, что сталинцы просто выменяли власть на советское оружие, слишком поверхностно. За доставку оружия Москва получала испанское золото. По законам капиталистического рынка, этого достаточно. Как же Сталин умудрился получить в придачу еще и власть? На это отвечают обычно: поднимая в глазах масс свой авторитет военными поставками, советское правительство ставило условием своего "сотрудничества" решительные меры против революционеров и тем устраняла с пути опасных противников. Все это совершенно бесспорно; но это только одна, и притом менее важная, сторона дела. Несмотря на "авторитет", созданный советскими поставками, испанская коммунистическая партия оставалась маленьким меньшинством, а со стороны рабочих встречала все возрастающую ненависть. С другой стороны, недостаточно, чтобы Москва ставила условия; нужно было, чтобы Валенсия принимала их. В этом суть дела. Не только Замора, Компанис и Негрин, но и Кабаллеро, в бытность его премьером, все они с большей или меньшей готовностью шли навстречу требованиям Москвы. Почему? Потому что эти господа сами хотели удержать революцию в буржуазных рамках. Не только социалисты, но и анархисты не противились серьезно сталинской программе. Они сами боялись разрыва с буржуазией. Они смертельно пугались каждого революционного натиска рабочих.

Сталин, со своим оружием и со своим контрреволюционным ультиматумом, явился для всех этих групп избавителем. Он обеспечивал им, как они надеялись, военную победу над Франко и в то же время освобождал их от ответственности за ход революции. Они поспешили сдать свои социалистические и анархистские маски в гардероб, в надежде снова воспользоваться ими, когда Москва восстановит для них буржуазную демократию. В довершение удобства эти господа могли отныне оправдывать свою измену пролетариату необходимостью военного соглашения со Сталиным. Сталин, со своей стороны, оправдывал свою контрреволюционную политику необходимостью соглашения с республиканской буржуазией.

Только под этим, более широким, углом зрения нам становится ясна та ангельская терпимость, которую проявили по отношению к преступлениям ГПУ такие рыцари права и свободы, как Асанья, Негрин, Компанис, Кабаллеро, Гарсиа Оливер и прочие. Если у них не было никакого другого выбора, как они утверждают, то вовсе не потому, что за самолеты и танки они не могли расплачиваться иначе, как головами революционеров и правами рабочих, а потому, что их собственную "чисто-демократическую", т.е. анти-социалистическую программу нельзя было осуществлять никакими другими мерами, кроме террора. Когда рабочие и крестьяне вступают на путь своей революции, т.е. захватывают заводы, имения, изгоняют старых владельцев, овладевают властью на местах, то у буржуазной контрреволюции - демократической, сталинской или фашистской, все равно - нет никаких других средств остановить это движение, кроме кровавого насилия, дополненного ложью и обманом. Преимущество сталинской клики на этом пути состояло в том, что она сразу начала применять методы, которые были не по плечу Асаньям, Компанисам, Негриным и их левым союзникам.

СТАЛИН, ПО СВОЕМУ, ПОДТВЕРЖДАЕТ ПРАВИЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На территории республиканской Испании боролись, таким образом, две непримиримые программы. С одной стороны, программа спасения частной собственности от пролетариата во что бы то ни стало и - насколько возможно - спасения демократии от Франко. С другой стороны, программа уничтожения частной собственности путем завоевания власти пролетариатом. Первая программа выражала интересы капитала через посредство рабочей аристократии, верхов мелкой буржуазии и, особенно, советской бюрократии. Вторая программа переводила на язык марксизма не вполне сознательные, но мощные тенденции революционного движения масс. К несчастью для революции между горстью большевиков и революционным пролетариатом стояло контрреволюционное средостение Народного фронта.

Политика Народного фронта определялась, в свою очередь, вовсе не шантажом Сталина, в качестве поставщика оружия. В шантаже недостатка, конечно, не было. Но причина успеха этого шантажа заложена была во внутренних условиях самой революции. Ее социальным фоном в течение всех шести лет являлся возрастающий натиск масс на режим полуфеодальной и буржуазной собственности. Необходимость защищать эту собственность самыми крайними средствами и бросила буржуазию в объятия Франко. Республиканское правительство обещало буржуазии защитить собственность "демократическими" мерами, но обнаружило, особенно в июле 1936 года, полную несостоятельность. Когда положение на фронте собственности стало еще более угрожающим, чем на военном фронте, демократы всех мастей, включая и анархистов, склонились перед Сталиным; а этот последний не нашел в своем арсенале никаких других методов, кроме методов Франко.

Травля против "троцкистов", ПОУМистов, революционных анархистов и левых социалистов; грязная клевета, фальшивые документы, пытки в сталинских шкафах, убийства из-за угла, - без всего этого буржуазный режим, под республиканским флагом, не мог бы устоять и двух месяцев. ГПУ оказалось хозяином положения только потому, что оно последовательнее других, т.-е. с наибольшей подлостью и кровожадностью, защищало интересы буржуазии против пролетариата.

В борьбе против социалистической революции "демократ" Керенский сперва искал опоры в военной диктатуре Корнилова, а затем пытался въехать в Петроград в обозе монархического генерала Краснова. С другой стороны, большевики, чтоб довести демократическую революцию до конца, оказались вынуждены низвергнуть правительство "демократических" шарлатанов и болтунов. Этим самым они, попутно, положили конец всякого рода попыткам военной (или "фашистской") диктатуры.

Испанская революция снова показывает, что защищать демократию против революционных масс нельзя иначе, как методами фашистской реакции. И наоборот: вести действительную борьбу против фашизма нельзя иначе, как методами пролетарской революции. Сталин воевал против "троцкизма" (пролетарской революции), разрушая демократию бонапартистскими мерами ГПУ. Этим снова и окончательно ниспровергается усвоенная Коминтерном старая меньшевистская теория, которая превращает демократическую и социалистическую революцию в две самостоятельные исторические главы, отделенные друг от друга во времени. Работа московских палачей подтверждает, по своему, правильность теории перманентной революции.

РОЛЬ АНАРХИСТОВ

Анархисты не имели в испанской революции никакой самостоятельной позиции. Они только то и делали, что колебались между большевизмом и меньшевизмом. Точнее сказать:

анархистские рабочие инстинктивно стремились выйти на большевистскую дорогу (19 июля 1936 года, майские дни 1937 года), тогда как вожди, наоборот, изо всех сил загоняли массы в лагерь Народного фронта, т.-е. буржуазного режима.

Анархисты обнаружили фатальное непонимание законов революции и ее задач, когда пытались ограничиться своими профессиональными союзами, т.-е. проникнутыми рутинной организациями мирного времени, игнорируя то, что происходило за пределами профессиональных союзов, в массах, в политических партиях и в аппарате государства. Если бы анархисты были революционерами, они прежде всего призвали бы к созданию советов, объединяющих представителей всех трудящихся города и деревни, в том числе и тех наиболее угнетенных слоев, которые никогда не входили в профессиональные союзы. В этих советах революционные рабочие естественно заняли бы господствующее положение. Сталинцы оказались бы ничтожным меньшинством, пролетариат убедился бы в своей несокрушимой силе. Аппарат буржуазного государства повис бы в воздухе. Понадобился бы один крепкий удар, чтобы этот аппарат рассыпался в прах. Социалистическая революция получила бы могущественный толчок. Французский пролетариат не долго позволил бы Леону Блюму блокировать пролетарскую революцию за Пиренеями. Вряд ли могла бы позволить себе такую роскошь и московская бюрократия. Самые трудные вопросы оказались бы решенными сами собою.

Взамен этого анархо-синдикалисты, пытавшиеся спрятаться от "политики" в синдикатах, оказались к великому удивлению для всего мира и для самих себя, пятым колесом в телеге буржуазной демократии. Не надолго: пятое колесо никому не нужно. После того, как Гарсиа Оливер и Ко помогли Сталину и его соучастникам отнять власть у рабочих, анархисты сами оказались изгнаны из правительства Народного фронта. Они и тут не нашли ничего лучшего, как бежать за колесницей победителя и уверять его в своей преданности. Страх мелкого буржуа перед крупным буржуа, мелкого бюрократа перед крупным бюрократом они прикрывали плаксивыми речами о святости единого фронта (жертвы с палачом) и о недопустимости всякой диктатуры, в том числе и их собственной. "Ведь мы могли взять власть в июле 1936 года"... "Ведь мы могли взять власть в мае 1937 года"... Анархисты умоляли Негрина-Сталина признать и вознаградить их измену революции. Отвратительная картина!

Одно это самооправдание: "мы не захватили власть не потому, что не могли, а потому, что не хотели, потому что мы против всякой диктатуры" и пр., заключает в себе бесповоротное осуждение анархизма, как насквозь анти-революционной доктрины. Отказываться от завоевания власти значит добровольно предоставлять власть тем, кто ее имеет, т.-е. эксплуататорам. Суть всякой революции состояла и состоит в том, что она ставит у власти новый класс и тем дает ему возможность осуществить свою программу. Нельзя вести войну, не желая победы. Нельзя вести массы на восстание, не готовясь завоевать власть. Никто не мог бы помешать анархистам установить после захвата власти такой режим, который они считают нужным, если допустить, конечно, что их программа осуществима. Но анархистские вожди сами потеряли веру в это. Они спрятались от власти не потому, что они против "всякой диктатуры" - на деле они, ворча и хныча, поддерживали и поддерживают диктатуру Негрина-Сталина, - а потому, что они полностью растеряли свои принципы и мужество, если они вообще когда-либо обладали ими. Они боялись. Они боялись всего: "изоляции", "интервенции", "фашизма". Они боялись Сталина. Они боялись Негрина. Они боялись Франции и Англии. Больше всего эти фразеры боялись революционных масс.

Отказ от завоевания власти неизбежно отбрасывает каждую рабочую организацию в болото реформизма и превращает ее в игрушку: иначе не может быть, в виду классового склада общества. Выступая против цели: захвата власти, анархисты не могли, в конце концов, не выступать против средства: революции. Вожди С.Н.Т. и Ф.А.И. помогли буржуазии не только удержать тень власти в июле 1936 года, но и восстановить по частям то, что она

утеряла сразу. В мае 1937 года они саботировали восстание рабочих и спасли тем самым диктатуру буржуазии. Так, анархизм, который хотел быть только анти-политическим, оказался на деле анти-революционным, а в наиболее критические моменты - контрреволюционным.

Те анархистские теоретики, которые после великого экзамена 1931-1937 г.г., повторяют старую реакционную чепуху о Кронштадте и твердят: "сталинизм есть неизбежный вывод из марксизма и большевизма", лишь доказывают этим, что они навсегда мертвы для революции. Вы говорите, что марксизм порочен сам по себе, и что сталинизм - его законное детище? Но почему же мы, революционные марксисты, находимся в смертельной борьбе со сталинизмом во всем мире? Почему сталинская шайка видит в троцкизме главного врага? Почему всякое приближение к нашим взглядам или нашей системе действий (Дуррути, Андрей Нин, Ландау и другие) заставляет гангстеров сталинизма прибегать к кровавой расправе? Почему, с другой стороны, вожди испанского анархизма состояли во время московских и мадридских преступлений ГПУ министрами Кабаллеро-Негрин, т.е. слугами буржуазии и Сталина? Почему и сейчас, под предлогом борьбы с фашизмом, анархисты остаются добровольными пленниками Сталина-Негрин, т.е. палачей революции, которые доказали свою неспособность бороться с фашизмом? Адвокаты анархизма, прячущиеся за Кронштадт и Махно, не обманут никого. В Кронштадтском эпизоде и в борьбе с Махно мы защищали пролетарскую революцию от мужицкой контрреволюции. Испанские анархисты защищали и защищают буржуазную контрреволюцию от пролетарской революции. Никакие софизмы не вычеркнут из истории того факта, что анархизм и сталинизм оказались в испанской революции по одну сторону баррикады, а рабочие массы и революционные марксисты - по другую. Такова правда, которая навсегда войдет в сознание пролетариата!

РОЛЬ ПОУМА

Немногим лучше обстояло дело с ПОУМом. Теоретически он пытался, правда, опираться на формулу перманентной революции (поэтому сталинцы и называли ПОУМистов троцкистами). Но революция не удовлетворяется теоретическими признаниями. Вместо того, чтобы мобилизовать массы против реформистских вождей, включая и анархистов, ПОУМ пытался убедить этих господ в преимуществах социализма над капитализмом. По такому камертону были настроены все статьи и речи лидеров ПОУМа. Чтоб не ссориться с анархистскими вождями, они не устраивали своих ячеек и вообще не вели никакой работы в С.Н.Т. Уклоняясь от острых конфликтов, они не вели революционной работы в республиканской армии. Взамен этого они строили "свои собственные" синдикаты и "свою собственную" милицию, которая охраняла "свои собственные" здания или занимала "свой собственный" участок фронта. Изолируя революционный авангард от класса, ПОУМ обессиливал авангард и оставлял класс без руководства. Политически ПОУМ все время оставался неизмеримо ближе к Народному фронту, левое крыло которого он прикрывал, чем к большевизму. Если ПОУМ пал, тем не менее, жертвой кровавой и подлой репрессии, то потому что Народный фронт не мог выполнить свою миссию: задушить социалистическую революцию - иначе, как отрубая кусок за куском свой собственный левый фланг.

Наперекор своим намерениям, ПОУМ оказался, в последнем счете, главным препятствием на пути создания революционной партии. Величайшую ответственность взяли на себя те платонические или дипломатические сторонники Четвертого Интернационала, которые, подобно вождю Голландской Революционно-Социалистической Партии, Снефлиту, демонстративно поддерживали ПОУМ в его половинчатости, нерешительности, уклончивости, словом, в его центризме. Революция не мирится с центризмом. Она разоблачает и уничтожает его. Попутно она компрометирует друзей и адвокатов централизма. Таков один из важнейших уроков испанской революции.

ПРОБЛЕМА ВООРУЖЕНИЯ

Социалисты и анархисты, которые пытаются оправдать свою капитуляцию перед Сталиным необходимостью расплачиваться принципами и совестью за московское оружие, попросту лгут, и лгут неумно. Конечно, многие из них предпочитали бы выпутаться без убийств и подлогов. Но каждая цель требует соответственных средств. Начиная с апреля 1931 года, т.е. задолго до военного вмешательства Москвы, социалисты и анархисты делали, что могли, чтобы тормозить пролетарскую революцию. Сталин научил их, как довести эту работу до конца. Они стали уголовными сообщниками Сталина только потому, что были его политическими единомышленниками.

Если бы вожди анархистов были хоть немножко похожи на революционеров, они на первый же шантаж Москвы должны были бы ответить не только продолжением социалистического наступления, но и разоблачением перед мировым рабочим классом контрреволюционных условий Сталина. Этим они заставили бы московскую бюрократию открыто выбирать между социалистической революцией и диктатурой Франко. Термидорианская бюрократия боится революции и ненавидит ее. Но она боится также быть задушенной в фашистском кольце. Кроме того она зависит от рабочих. Все говорит за то, что Москва оказалась бы вынуждена доставлять оружие и, пожалуй, по более сходной цене.

Но свет не сходится клином на сталинской Москве. За полтора года гражданской войны можно и должно было укрепить и развить испанскую военную индустрию, приспособив к целям войны ряд невоенных заводов. Эта работа не была выполнена только потому, что инициативы рабочих организаций одинаково боялись как Сталин, так и его испанские союзники. Сильная военная промышленность стала бы могущественным орудием в руках рабочих. Вожди Народного фронта предпочитали зависимость от Москвы.

Как раз на этом вопросе особенно ярко обнаруживается вероломная роль "Народного фронта", навязавшего пролетарским организациям ответственность за предательские сделки буржуазии со Сталиным. Поскольку анархисты были в меньшинстве, они не могли, конечно, немедленно воспрепятствовать правящему блоку принимать какие угодно обязательства перед Москвой и перед хозяевами Москвы: Лондоном и Парижем. Но они могли и должны были, не переставая быть лучшими борцами на фронте, открыто отмежеваться от измены и изменников, объяснять действительное положение массе; мобилизовать ее против буржуазного правительства; увеличивать изо дня в день свои силы, чтобы в конце концов завладеть властью и, вместе с нею, московским оружием.

А что, если бы Москва, при отсутствии Народного фронта, вообще отказалась давать оружие? А что, отвечаем мы на это, если бы Советский Союз вообще не существовал на свете? Революции побеждали до сих пор вовсе не благодаря высоким иностранным покровителям, которые снабжали их оружием. Иностранные покровители бывали обыкновенно у контрреволюции. Нужно ли напоминать опыт интервенции французских, английских, американских, японских и иных войск против Советов? Пролетариат России победил внутреннюю реакцию и иностранных интервентов без военной поддержки извне. Революции побеждают прежде всего при помощи смелой социальной программы, которая дает массам возможность овладеть оружием, имеющимся на их территории, и разложить армию врага. Красная армия захватывала французские, английские и американские военные запасы и сбрасывала в море иностранные экспедиционные корпуса. Неужели это уже забыто?

Если б во главе вооруженных рабочих и крестьян, т.е. во главе так называемой "республиканской" Испании, стояли революционеры, а не трусливые агенты буржуазии, проблема вооружения вообще не играла бы первостепенной роли. Армия Франко, включая колониальных рифов и солдат Муссолини, вовсе не застрахована от революционной заразы.

Охваченные со всех сторон пламенем социалистического переворота, солдаты фашизма оказались бы ничтожной величиной. Не оружия не хватало в Мадриде и Барселоне и не военных "гениев"; не хватало революционной партии!

УСЛОВИЯ ПОБЕДЫ

Условия победы масс в гражданской войне против армии угнетателей по существу своему очень просты.

1. Бойцы революционной армии должны ясно сознавать, что они сражаются за свое полное социальное освобождение, а не за восстановление старой ("демократической") формы эксплуатации.

2. То же самое должны знать и понимать рабочие и крестьяне, как в тылу революционной армии, так и в тылу врага.

3. Пропаганда на собственном фронте, на фронте противника и в обоих тылах, должна быть насквозь проникнута духом социальной революции. Лозунг: "сперва победа, затем реформы", есть лозунг всех угнетателей и эксплуататоров, начиная с библейских царей и кончая Сталиным.

4. Политику определяют те классы и слои, которые участвуют в борьбе. Революционные массы должны иметь государственный аппарат, прямо и непосредственно выражающий их волю. Таким аппаратом могут быть только Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

5. Революционная армия должна не только провозглашать, но и немедленно осуществлять в отвоеванных провинциях наиболее неотложные меры социальной революции: экспроприация и передача нуждающимся наличных продовольственных, мануфактурных и других запасов; перераспределение жилищ в интересах трудящихся и особенно семейств бойцов; экспроприация земли и земледельческого инвентаря в интересах крестьян; установление рабочего контроля над производством и советской власти на место прежней бюрократии.

6. Из революционной армии должны беспощадно изгоняться враги социалистической революции, т.-е. эксплуататорские элементы и их агенты, хотя бы и прикрывающиеся маской "демократов", "республиканцев", "социалистов" и "анархистов".

7. Во главе каждой воинской части должен стоять комиссар с безукоризненным авторитетом революционера и воина.

8. В каждой воинской части должна быть сплоченная ячейка наиболее самоотверженных бойцов, рекомендованных рабочими организациями. Члены ячейки имеют одну единственную привилегию: быть первыми в огне.

9. Командный корпус по необходимости включает на первых порах в свой состав много чуждых и ненадежных элементов. Их проверка и отбор должны производиться на основе боевого опыта, аттестации со стороны комиссаров и отзывов рядовых бойцов. Одновременно должна идти напряженная подготовка командиров из революционных рабочих.

10. Стратегия гражданской войны должна сочетать правила военного искусства с задачами социальной революции. Не только в пропаганде, но и в военных операциях необходимо учитывать социальный состав различных воинских частей противника (буржуазные добровольцы, мобилизованные крестьяне, или, как у Франко, колониальные рабы) и, при

выборе операционных линий, строго соотноситься с социальной структурой соответствующих районов страны (промышленные районы; крестьянские районы, революционные или реакционные; районы угнетенных национальностей и пр.). Короче сказать: революционная политика господствует над стратегией.

11. Революционное правительство, как исполнительный комитет рабочих и крестьян, должно уметь завоевать полное доверие армии и трудящегося населения.

12. Внешняя политика должна иметь своей главной целью пробудить революционное сознание рабочих, эксплуатируемых крестьян и угнетенных национальностей всего мира.

СТАЛИН ОБЕСПЕЧИЛ УСЛОВИЯ ПОРАЖЕНИЯ

Условия победы, как видим, совершенно просты. В совокупности своей они называются социалистической революцией. Ни одного из этих условий в Испании не было налицо. Основная причина: не было революционной партии. Сталин попытался, правда, перенести на почву Испании внешние приемы большевизма: Политбюро, комиссары, ячейки, ГПУ и пр. Но он опустошил эту форму от социалистического содержания. Он отверг большевистскую программу и вместе с нею Советы, как необходимую форму революционной инициативы масс. Он поставил технику большевизма на службу буржуазной собственности. В своей бюрократической ограниченности он воображал, что "комиссары" сами по себе способны обеспечить победу. Но комиссары частной собственности оказались способны лишь обеспечить поражение.

Испанский пролетариат обнаружил первоклассные боевые качества. По своему удельному весу в хозяйстве страны, по политическому и культурному уровню он в первый день революции стоял не ниже, а выше русского пролетариата в начале 1917 года. На пути его победы, в качестве главных препятствий, стояли его собственные организации. Командующая клика сталинцев, в соответствии со своей контрреволюционной функцией, состояла из наемных агентов, карьеристов, деклассированных элементов и всяких вообще социальных отбросов. Представители других рабочих организаций - мягкотелые реформисты, анархистские фразеры, беспомощные центристы ПОУМа - ворчали, вздыхали, колебались, маневрировали, но в конце концов приспособлялись к сталинцам. В результате их совокупной работы, лагерь социальной революции - рабочие и крестьяне - оказался подчинен буржуазии, вернее сказать, ее тени, обезличен, обездушен, обескровлен. Ни в героизме масс, ни в мужестве отдельных революционеров недостатка не было. Но массы были предоставлены самим себе, а революционеры оставались разобщены, без программы, без плана действий. "Республиканские" военачальники больше заботились о подавлении социальной революции, чем о военных победах. Солдаты теряли доверие к командирам, массы - к правительству, крестьяне отходили в сторону, рабочие уставали, поражение следовало за поражением, деморализация росла. Все это нетрудно было предвидеть в самом начале гражданской войны. Поставив себе задачей спасти капиталистический режим, Народный фронт обрек себя на военное поражение. Опрокинув большевизм на голову, Сталин с полным успехом выполнил роль главного могильщика революции.

Испанский опыт, кстати сказать, снова показывает, что Сталин совершенно не понял ни Октябрьской революции, ни гражданской войны. Его медлительная провинциальная мысль безнадежно отставала от бурного хода событий 1917-1921 г.г. В тех его речах и статьях 1917 года, где он выражал свою собственную мысль, заложена полностью его позднейшая термидорианская "доктрина". В этом смысле Сталин в Испании в 1937 году - продолжатель Сталина на мартовской конференции большевиков в 1917 году. Но в 1917 году он только боялся революционных рабочих, а в 1937 году он душил их. Оппортунист стал палачом.

"ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ"

Но ведь для победы над правительствами Кабаллеро и Негрина нужна была бы гражданская война в тылу республиканских армий! - с ужасом восклицает демократический филистер. Как будто в республиканской Испании и без того не идет гражданская война, притом самая подлая и бесчестная, война собственников и эксплуататоров против рабочих и крестьян. Эта непрерывная война выражается в арестах и убийствах революционеров, подавлении массового движения, разоружении рабочих, вооружении буржуазной полиции, оставлении на фронте без оружия и помощи рабочих отрядов, наконец, в искусственной задержке развития военной промышленности. Каждый из этих актов представляет жестокий удар по фронту, прямую военную измену, продиктованную классовыми интересами буржуазии. Однако, "демократический" филистер, - включая сталинцев, социалистов и анархистов, - считает гражданскую войну буржуазии против пролетариата, хотя бы и в непосредственном тылу фронта, естественной и неизбежной войной, имеющей своей задачей обеспечить "единство Народного фронта". Зато гражданская война пролетариата против "республиканской" контрреволюции есть, в глазах того же филистера, преступная, "фашистская", троцкистская война, нарушающая... "единство антифашистских сил". Десятки Норман Томасов, майоров Аттли, Отто Бауэров, Жиромских, Мальро и мелких торговцев ложью, вроде Дуранти и Луи Фишера, разносят эту рабскую мудрость по лицу земли. Тем временем правительство "Народного" фронта передвигается из Мадрида в Валенсию, из Валенсии - в Барселону.

Если, как свидетельствуют факты, раздавить фашизм способна только социалистическая революция, то с другой стороны победоносное восстание пролетариата мыслимо лишь тогда, когда господствующие классы попадают в тиски величайших затруднений. Однако, демократические филистеры ссылаются как раз на эти затруднения в доказательство недопустимости пролетарского восстания. Если б пролетариат стал дожидаться, когда демократические филистеры укажут ему час его освобождения, он навеки остался бы рабом. Учить рабочих узнавать реакционных филистеров под всеми их масками и презирать их, независимо от этих масок, есть первая и главная обязанность революционера!

РАЗВЯЗКА

Диктатура сталинцев над республиканским лагерем, по самой сути своей, недолговечна. Если обусловленные политикой Народного фронта поражения еще раз бросят испанский пролетариат на революционный приступ, на этот раз с успехом, сталинская клика будет выметена железной метлой. Если же, что, к несчастью, более вероятно, Сталину удастся довести работу могильщика революции до конца, он и в этом случае не дожидется благодарности. Испанская буржуазия нуждалась в нем, как в палаче, но он вовсе не нужен ей, как покровитель и наставник. Лондон и Париж, с одной стороны, Берлин и Рим, с другой, являются в ее глазах гораздо более солидными фирмами, чем Москва. Возможно, что Сталин и сам хочет унести из Испании ноги до окончательной катастрофы: он надеется, таким образом, переложить ответственность за поражение на своих ближайших союзников. После этого Литвинов будет ходатайствовать перед Франко о восстановлении дипломатических отношений. Все это мы уже видели не раз.

Однако, даже полная военная победа, так называемой, республиканской армии над генералом Франко не означала бы торжества "демократии". Рабочие и крестьяне два раза ставили буржуазных республиканцев и их левых агентов у власти: в апреле 1931 года и в феврале 1936 года. Оба раза герои Народного фронта сдавали победу народа более реакционным и более серьезным представителям буржуазии. Третья победа, одержанная генералами Народного фронта, будет означать их неизбежное соглашение с фашистской буржуазией на костях рабочих и крестьян. Такой режим будет только другой формой военной диктатуры, может быть, без монархии и без открытого господства католической церкви.

Наконец, возможно, что частичные победы республиканцев будут использованы "бескорыстными" англо-французскими посредниками для того, чтобы примирить враждующие лагеря. Не трудно понять, что при этом варианте последние остатки демократии окажутся задушенными в братских объятиях генералов: Миаха (коммунист!) и Франко (фашист!). Еще раз: победить может либо социалистическая революция, либо фашизм.

Не исключено, впрочем, что трагедия даст еще в последний момент место фарсу. Когда героям Народного фронта придется покинуть свою последнюю столицу, они, пожалуй, перед посадкой на пароходы или самолеты, провозгласят ряд "социалистических" реформ, чтобы оставить по себе у народа "добрую память". Ничто, однако, не поможет им. Рабочие всего мира будут с ненавистью и презрением вспоминать о партиях, погубивших героическую революцию.

Трагический опыт Испании есть грозное предостережение - может быть последнее предостережение перед еще более великими событиями, - обращенное ко всем передовым рабочим мира. "Революции, по словам Маркса, локомотивы истории". Они движутся быстрее, чем мысль полу-революционных или четверть-революционных партий. Кто отстает, тот попадает под колеса локомотива, причем - и это главная опасность - сам локомотив при этом нередко терпит крушение. Проблему революции надо додумывать до конца, до последних конкретных выводов. Надо сообразовать политику с основными законами революции, т.-е. с движением борющихся классов, а не с предрассудками и страхами поверхностных мелкобуржуазных групп, которые называют себя "народными" и всякими другими фронтами. Линия наименьшего сопротивления оказывается в революции линией наибольшего крушения. Страх "изоляции" от буржуазии означает изоляцию от масс. Приспособление к консервативным предрассудкам рабочей аристократии означает предательство рабочих и революции. Избыток "осторожности" есть самая пагубная неосторожность. Таков главный урок из крушения наиболее честной политической организации в Испании, именно центристского ПОУМа. Партии и группы Лондонского Бюро явно не хотят или не умеют сделать необходимых выводов из последнего предостережения истории. Этим самым они обрекают себя на гибель.

Зато на уроках поражений воспитывается ныне новое поколение революционеров. Оно проверило на деле постыдную репутацию Второго Интернационала. Оно измерило глубину падения Третьего Интернационала. Оно научилось судить анархистов не по их словам, а по их делам. Великая, неоценимая школа, оплаченная кровью бесчисленных борцов! Революционные кадры собираются ныне только под знаменем Четвертого Интернационала. Он родился под раскаты поражений, чтоб привести трудящихся к победе.

Л. Троцкий.

Койоакан, 17 декабря 1937 г.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)
N 62-63.
